

Abstract. The article examines the national model of political modernization that exists in contemporary Russia. Implementation of the etatist model of political modernization is accompanied by construction of a strong state where religious values occupy specific place. So as a result of modernization one can see the politicization of religion. The authors made the analysis of constructive/destructive toposes of religion politicization, which include the topos of deterritorialization of the religion, the topos of the political conflict with the religious dominant, the topos of the split state and others. The authors pay special attention to the causes of formation and the specificity of functioning of these toposes.

Keywords: etatist model of political modernization, diversification of democracy, topos of politicization of religion, topos of deterritorialization, topos of split state

КАТКОВА Марина Андреевна — к.э.н., доцент; начальник управления организации НИР, доцент кафедры институциональной экономики и экономической безопасности Саратовского социально-экономического института — филиала Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова (410003, Россия, г. Саратов, ул. Радищева, 89; mkatkova@mail.ru)

ОЦЕНКА ЭФФЕКТИВНОСТИ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫХ ПРЕОБРАЗОВАНИЙ В ЭКОНОМИКЕ РОССИИ

Аннотация. Статья посвящена оценке эффективности институциональных преобразований в России. Автор использует ряд критериев, в числе которых: индекс защиты прав собственности, индекс финансовой свободы, индекс защиты от коррупции. В работе предложены пути и способы повышения эффективности институциональных преобразований в экономике России.

Ключевые слова: модернизация, собственность, коррупция, финансовая свобода

Специфика экономического и социального развития РФ на современном этапе институциональных преобразований (ИП) требует глубокого теоретического осмысления. Трансформация экономических и институциональных отношений в государстве при определенных (неблагоприятных) условиях может привести к катаклизмам, коллапсам и/или повлечь за собой социальные революции. Для обеспечения компромисса общественных и частных интересов в условиях ИП, а также для достижения устойчивого экономического развития необходима реализация системы мер институционального воздействия на различные процессы рыночного характера с целью снижения негативных последствий, порожденных этими изменениями. Наряду с изложенным, для полного понимания сути и глубины ИП следует иметь в виду несколько моментов, позволяющих отличать ИП от иных видов преобразований.

Во-первых, ИП страны нельзя ограничивать технологическими аспектами. Более справедлива широкая трактовка этого термина, включающая трансформацию институциональной структуры экономики, в т.ч. национальной безопасности, институтов внешней политики, институтов государственного устройства и институтов технологического развития.

Во-вторых, ИП в современном понимании являются не индустриализацией, как это предполагалось в XX в., а ломкой тех институциональных структур, которые не отвечают современным требованиям, и движением в направлении постиндустриального общества. Многие реформы (здравоохранения, пенсионной системы, естественных монополий, госсектора и др.), являющиеся составной частью институциональных преобразований, в большей степени являются реакцией на вызовы постиндустриальной экономики, с которыми сталкивается большинство стран, в т.ч. и находящихся в авангарде экономического развития.

В-третьих, главная задача России в контексте ИП заключается в переходе от сырьевой экономики к экономике знаний, к инновационной стратегии. Однако в рейтинге Индекса глобальной конкурентоспособности 2014–2015 Россия нахо-

дится на 53-м месте; причиной данной ситуации является, среди прочего, и то, что в стране существует дефицит организационных и социальных технологий.

В-четвертых, ИП, адекватные требованиям современной России, должны быть свободным выбором граждан. Особенность современных ИП, предполагающих построение постиндустриального общества, заключается в том, что их атомом является не послушный автомат — «винтик», а свободная, раскрепощенная, творческая личность. В этой связи любое свертывание демократических свобод тормозит создание необходимых предпосылок для ИП.

В-пятых, основа современного мира состоит в том, что наличие богатых природных ресурсов, физического и интеллектуального капитала наций является необходимым, но недостаточным условием процветания страны. Более того, страны с самым высоким уровнем дохода на человека располагают, как правило, незначительными природными ресурсами. Нет прямой связи между уровнем благосостояния страны и уровнем образования населения. Многие страны оказываются не в состоянии решить проблему занятости лиц с высшим образованием, примером чего является Россия в ее нынешнем состоянии.

В-шестых, ключевую роль в жизнеустройстве страны играет государство. Характер институтов российского государства предопределяется исторической судьбой страны и важным значением государственных институтов в развитии нано-, микро-, мезо-, макро- и мегаэкономики.

В связи с изложенным становится очевидным, что вектор институциональных преобразований, а также формы их реализации задаются той социально-экономической средой, в которой они проводятся, и результатами, которых необходимо достичь. Можно выделить как минимум 3 режима развития институтов, отражающих возможные пути реализации ИП. Первый из них характеризуется тем, что изменение законодательства на уровне страны производится с учетом действия прежних норм, причем вводимые институциональные инновации логично и обоснованно вытекают из действующих институтов. Второй — это когда новые нормы и правила коренным образом отличаются от предшествующих (смена института общественной собственности на институт частной собственности). Третий режим — частичная зависимость от прошлого — предполагает точечное заимствование образцов из предыдущей практики (создание новых изделий на базе обновленных фондов, освоение новых рынков и т.д.).

Сами ИП по своей сути представляют четкую систему составляющих ее компонентов — экономических, политических, социальных и правовых. ИП предполагают не только формальные, но и неформальные институциональные изменения.

Правоммерно выделить 2 основные составляющие ИП как системного трансформационного процесса. Это коренная технологическая трансформация и сопутствующие ей институциональные изменения.

Для определения эффективности ИП в России будем использовать как качественные, так и количественные критерии. Рассмотрим их более подробно.

К первой группе может быть отнесена, например, степень несовершенства механизма, обеспечивающего соблюдение правил. Раскроем суть данного показателя. В процессе разделения труда и, следовательно, большей специализации отраслей экономики объективно происходит снижение доли персонифицированных контрактов, а значит, возникает необходимость третьей — независимой, т.е. не участвующей в обмене, стороны, способной взять на себя соблюдение условий договора. При недостаточной развитости институциональной среды подобное «нейтральное» лицо начинает действовать не в интересах законов, тем самым снижая трансакционные издержки защиты прав собственности, а преследуя свои собственные интересы.

Определить надежность государства в выполнении указанной функции в данном случае возможно только относительно, однако следует помнить о том, что эффективность защиты договорных отношений может изменяться во времени и пространстве.

В целом степень несовершенства механизма, обеспечивающего соблюдение правил в российской экономике, помимо возможного оппортунистического поведения, объективно затруднена ввиду следующих причин:

– процесс оценки поведения агентов, характеристик товаров и услуг, условий обмена сопряжен со значительными издержками;

– интересы агентов и принципалов могут не совпадать.

Перейдем к характеристике количественных показателей. Одним из критериев, позволяющих оценить степень эффективности ИП в российской экономике, является степень защиты прав собственности.

Индикаторы качества национальных институтов, включая и институты, определяющие, насколько защищены права собственности по всем вышеперечисленным направлениям, ежегодно рассчитываются американским исследовательским центром «Фонд наследия» (*Heritage Foundation*) и публикуются газетой *Wall Street Journal*. Данный показатель измеряется в рамках индекса экономической свободы, который рассчитывается по большинству стран мира (183 страны) с 1985 г. Согласно методологии центра *Heritage Foundation* под экономической свободой аналитики склонны понимать невмешательство правительства в процессы производства, распределения и потребления товаров, услуг и работ, кроме случаев защиты законодательно закрепленных прав юридических и физических лиц.

Индекс экономической свободы рассчитывается как среднее арифметическое из 10 показателей: свободы бизнеса, свободы торговли, налоговой свободы, свободы от правительства, денежной свободы, свободы инвестиций, защиты прав собственности, свободы трудовых отношений, финансовой свободы, свободы от коррупции.

Вес любого из представленных показателей принято считать равнозначным, а величина индексов принимает значения от 0 до 100, при этом 100 выражает максимально возможный рейтинг. В соответствии с методологией расчетов страны в зависимости от присвоенного числа баллов могут подразделяться на следующие группы:

- свободные (80 – 100 балла);
- в основном свободные (70 – 79,9 балла);
- умеренно свободные (60 – 69,9 балла);
- в основном не свободные (50 – 59,9 балла);
- деспотические (0 – 49,9 балла).

Следует отметить, что данные критериальные границы характерны не только для сводного показателя, но и для субиндексов.

Итак, в рамках индекса экономической свободы для оценки эффективности защиты прав собственности рассчитывается и соответствующий индекс, который показывает, насколько способность индивидов накапливать частные активы защищена государством, в т.ч. и за счет эффективно работающего прозрачного законодательства. Он также учитывает и оценку степени независимости судебных органов власти и уровень коррупции в судебной системе. Косвенно учитывается и способность юридических и физических лиц соблюдать условия заключенных контрактов. Кроме того, данный субиндекс измеряет вероятность того, что не санкционированные владельцем действия, направленные на осуществление каких-либо операций с частной собственностью, могут осуществляться и государством как гарантом прав собственности.

В целом по данному субиндексу выделяют 11 групп в следующем диапазоне: от 100 (частная собственность гарантирована государством, судебная система эффективно и быстро реализует свои полномочия, нет коррупции и конфискации собственности) до 0 (права собственности законодательно не закреплены, все права принадлежат государству, коррупция крайне высока).

В соответствии с данными Фонда наследия индекс защиты прав собственности в России имеет оценку в 25 баллов¹. Исходя из значения данного показателя, юридическая структура, по мнению экспертов центра *Heritage Foundation*, не в полной мере соответствует вызовам современной экономики. И так как нормы закона не являются главным критерием принятия решений, судебная власть в РФ подвержена влиянию со стороны органов законодательной и исполнительной власти.

¹ <http://www.heritage.org/index/country/russia> (проверено 01.09.2014).

Аналитики оценивают степень защиты частной собственности в отечественной экономике как слабую. Заключенные контракты не всегда оцениваются как защищенные, аналогичная ситуация характерна и для интеллектуальных прав собственности, которые повсюду нарушаются. Уровень коррупции достигает запредельного уровня, что оказывает существенное влияние на эффективность экономической деятельности в стране.

Таким образом, суммируя мнение аналитиков, зафиксируем, что подобные явления определяют значительность издержек подчинения закону и в целом не позволяют оценить ИП по данным критериям как эффективные.

В качестве одной из мер, способствующих повышению степени защиты прав собственности в отечественной экономике, а значит повышению эффективности ИП, может рассматриваться независимая эффективно функционирующая судебная система.

Высокая результативность судебной системы, сопряженная с оправданными и сопоставимыми затратами для ее достижения, с одной стороны, и неотвратимость наказания, превышающего выгоду от нарушений, – с другой, выполняют и сдерживающую функцию.

Косвенным свидетельством неэффективной работы судебных органов власти могут служить отмена или изменение ранее вынесенных решений и обращения, поступающие от физических и юридических лиц. К примеру, около 18,2% всех обращений, касающихся уже вынесенных судами первой инстанции решений, отменяются в апелляции. Растет число обращений, связанных с обжалованием вынесенных решений и в федеральные окружные арбитражные суды, 16,6% их них (35 558 исков) признаны обоснованными [Шкрядина 2012: 55]. В связи с высоким процентом отмены судебных решений и многочисленными нарушениями процессуальных норм при вынесении вердикта (в 70% случаев) адекватно оценить реализацию своих непосредственных функций данными институтами как в целом положительную не представляется возможным.

Однако определить надежность государства в выполнении данной функции в любом случае допустимо только относительно, при этом следует помнить, что эффективность защиты договорных отношений может изменяться во времени и пространстве.

Еще одним критерием, способствующим сокращению транзакционных издержек в расчете на 1 сделку и повышению эффективности ИП в целом, может послужить снижение уровня коррупции в государстве. Под коррупцией в данном случае будем понимать использование государственной власти и должностных полномочий в целях получения дополнительного дохода.

Степень экономической свободы от коррупции ассоциируется с безопасностью экономических взаимоотношений, прозрачностью нормативно-правовых актов. Для оценки уровня коррупции будем использовать методику, разработанную международной антикоррупционной неправительственной организацией *Transparency International*. Рассчитанный показатель носит название индекса восприятия коррупции. Методология расчета данного показателя предполагает анализ результатов опросов 14 экспертов, которые определяют уровень коррупции более чем в 180 странах. В результате все страны ранжируются в зависимости от полученной оценки (от 0 до 10). Самый высокий уровень коррупции соответствует оценке 0 баллов.

Для того чтобы индекс восприятия коррупции, разработанный международной неправительственной организацией *Transparency International*, был сопоставим с прочими субиндексами, рассчитываемыми по методологии *Heritage Foundation*, его необходимо умножить на 100.

Рассмотрим конкретный пример. Аналитики антикоррупционной организации оценили индекс восприятия коррупции в России в 2,3 балла. Чтобы привести его к виду, аналогичному индексу защиты прав собственности, умножим его на 100 и получим в результате 23 балла по шкале, применяемой экспертами исследовательского центра «Фонд наследия».

Согласно данным индекса восприятия коррупции тройку лидеров с самым низким уровнем коррупции составили Дания, Новая Зеландия, Сингапур (величина

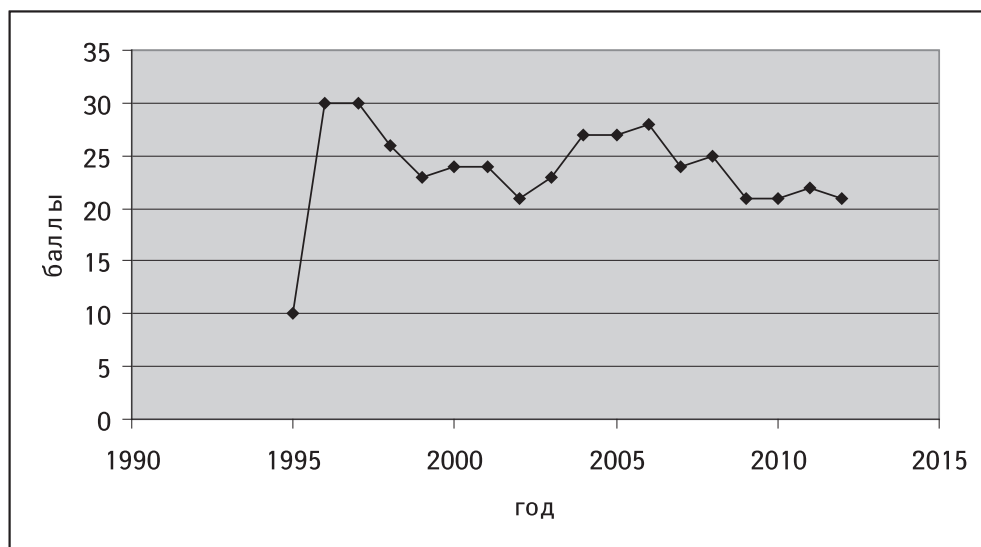

Рисунок 1 Изменение индекса свободы от коррупции в России¹

¹ Рассчитано по методологии американского исследовательского центра «Фонд наследия». Доступ: <http://www.heritage.org/index/explore?view=by-region-country-year> (проверено 01.09.2014).

индекса — 9,3 балла). Россия же оказалась на 154-м месте из 178 возможных (2,4 балла). По мнению экспертов организации *Transparency International*, страны, имеющие оценку меньше 3 баллов, попадают в зону с очень высоким уровнем коррупции. Более того, 40% стран из данной группы Всемирный банк относит к группе государств с низким уровнем дохода. Замыкают рейтинг такие страны, как Сомали, Мьянма.

Как показывает практика, при борьбе с коррупцией недостаточно использовать только административно-правовые меры, т.к. обратной стороной коррупции является стремление экономических агентов решать возникающие вопросы при помощи взяток. Противодействие данным процессам может осуществляться по двум направлениям: через неформальные институты, т.е. формирование антикоррупционного мировоззрения, через формальные институты путем институционализации общественного контроля и повышения доступа общественности к сведениям о функционировании государственных органов [Каткова, Колядин 2012: 145].

Сделанные выводы соответствуют концепции, согласно которой для формирования эффективно разворачивающейся институциональной модернизации необходимо не только использовать возможности, предоставляемые формальными институтами, но и активно задействовать потенциал неформальных институтов.

Помимо уже рассмотренного индекса восприятия коррупции, организация *Transparency International* в России применяет методику измерений путем агрегирования набора показателей, среди которых выделяют:

1) уровень коррупции с точки зрения практики использования взяток для разрешения возникающих конфликтов интересов или для получения дополнительных выгод (размер взяток, частота использования, рейтинг услуг, оказываемых преимущественно с помощью взяток);

2) уровень коррупции с точки зрения взяткодателя (общее отношение хозяйствующих субъектов и физических лиц к возможности получения необходимых решений с помощью взяток, оценка надежности использования подобного механизма);

3) уровень общественного доверия со стороны граждан и хозяйствующих субъектов к органам власти — исполнительной, законодательной и судебной;

4) критерии эффективности управления (независимость судебной власти, степень регулирования).

Следующим количественным критерием оценки эффективности ИП может послужить уровень развития финансовых институтов. По мнению некоторых экономистов (например, Б.А. Ерзнкяна), именно ускоренное развитие финансовой составляющей способно снизить степень деформации всей экономики и стимулировать повышение темпов экономического роста. Превалирующее значение данного компонента обусловлено тем фактом, что от качества финансово-кредитных услуг напрямую зависит как создание новых хозяйствующих субъектов, так и расширение уже существующих. На современном этапе экономисты отмечают тесную взаимосвязь между повышением специализации финансовой системы с ростом эффективности деятельности хозяйствующих субъектов и ускорением темпов экономического роста.

В современной экономической литературе широкое развитие получает анализ теоретических моделей развития финансовых рынков, благодаря которым наиболее полно выявляется их роль. Так, доказано, что функционирование высокоразвитых и независимых финансовых рынков неизбежно приводит к более интенсивным ИП, что обусловлено, с одной стороны, дополнительными возможностями выбора между проектами и жестким эффективным контролем за целевым расходованием средств со стороны субъектов финансовых рынков — с другой. Все это позволяет более эффективно использовать имеющиеся ресурсы и создает условия для более интенсивных ИП.

Таким образом, различные исследования свидетельствуют о наличии важной и тесной взаимозависимости между разработкой и внедрением новейших технологий, а также инновационным развитием, с одной стороны, и уровнем развития финансовых рынков — с другой. Оценивать эффективность функционирования финансовых рынков будем при помощи агрегированного показателя, рассчитываемого центром *Heritage Foundation* на основе оценки 5 блоков показателей:

1) степень хозяйственного регулирования финансовых услуг;

2) уровень прямого и косвенного участия государства в банках и прочих финансовых фирмах;

3) степень развития финансовых рынков, государственное влияние на размещение кредитов;

4) свобода доступа иностранных участников на внутренний и финансовый рынок.

Данный индекс, рассчитанный согласно методике *Heritage Foundation*, носит название финансовой свободы, и, соответственно, 5 указанных выше блоков позволяют оценить уровень гарантии легкого и эффективного доступа к финансовым ресурсам со стороны физических и юридических лиц. Подобно индексу защиты прав собственности, он может принимать значение от 0 до 100, при этом максимальная степень финансовой свободы оценивается в 100 баллов. В соответствии с уровнем развития финансовых институтов и их независимости при осуществлении финансово-кредитных операций все страны можно подразделить, учитывая число баллов, на 10 децильных групп: 1-я (100 — вмешательство государства незначительно) и 10-я (0 — репрессии; частные финансовые институты запрещены) (см. рис. 2).

Безусловно, говорить об универсальности подобных показателей нельзя, поскольку количественная оценка многих из них затруднена и может быть осуществлена лишь при помощи косвенных данных (например, результативность и эффективность рассмотрения дел в суде), а некоторых — и вовсе носит субъективный характер (особенно индекса восприятия коррупции), поскольку статистические наблюдения за такими процессами вести практически невозможно.

Таким образом, при оценке эффективности ИП необходимо учитывать степень защиты прав собственности, уровень независимости судебной системы, восприятие коррупции в стране, сформированные и принятые нормы поведения. Совместное рассмотрение данных качественных критериев обусловлено их тесной взаимо-

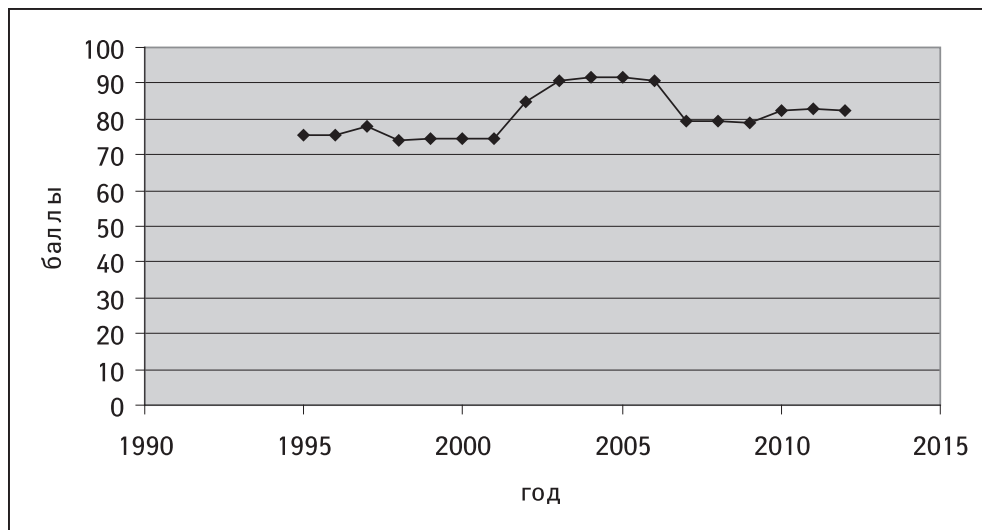

Рисунок 2 Изменение индекса финансовой свободы¹

¹ Рассчитано по методологии американского исследовательского центра «Фонд наследия». Доступ: <http://www.heritage.org/index/explore?view=by-region-country-year> (проверено 01.09.2014).

Рисунок 3 Оценка некоторых показателей эффективности институциональной модернизации

связью. Очевидно, что значительный уровень коррупции положительно коррелирует с высокой степенью зависимости судебной системы от других ветвей власти (законодательной и исполнительной) и сопровождается низкой степенью защиты прав собственности. В то же время неэффективная работа судов не только влечет за собой значительные затраты на восстановление нарушенных прав собственности, к которым относят, кроме финансовых издержек, еще и моральные, и временные,

но и приводит к формированию правового нигилизма в обществе. Косвенным подтверждением тесной взаимосвязи рассмотренных критериев является их совокупная оценка при расчете индекса прав собственности, данные которого дополняются индексом свободы от коррупции и формируют единую группу, определяющую верховенство закона. Дополнительный ввод в систему оценки эффективности ИП такого показателя, как признание обоснованности вынесенных решений судом следующей инстанции, позволит также осветить результативность и эффективность судебной системы.

Данный анализ необходимо дополнить оценкой функционирования финансово-кредитной системы; в качестве такого показателя может использоваться индекс финансовой свободы.

Таким образом, даже если допустить возможность некоторой заниженности показателей ввиду известной доли субъективности оценок иностранных экспертов, рис. 3 наглядно демонстрирует необходимость направленного совершенствования институтов, т.е. ИП, способствующих повышению эффективности по вышеперечисленным критериям оценки.

Список литературы

Каткова М.А., Колядин Н. П. 2012. *Теория и методология экономической стратегии государства: межуровневый подход*. Саратов: Изд-во СГСЭУ. 264 с.

Шкрябина А.Е. 2012. Оценка эффективности некоторых институтов транзакционного сектора. — *Вестник СГСЭУ*. № 1(40). С. 54-58.

KATKOVA Marina Andreevna, Cand.Sci.(Econ.), Associate Professor, Head of the Department of Organization of Research Activity, Associate Professor of the Department of Economics and Economic Security, Saratov Socio-Economic Institute – the branch of Plekhanov Russian University of Economics (Radischeva str., 89, Saratov, Russia, 410003; Mkatkova@mail.ru)

EVALUATION OF EFFICIENCY OF INSTITUTIONAL TRANSFORMATION OF RUSSIAN ECONOMY

Abstract. *The article is focused on the analysis of the effectiveness of institutional reforms in Russia. In order to realize the analysis the author uses a number of criteria, including the index of property rights protection, financial freedom index, the index of anti-corruption. In the article one can find the ways and means for the improvement of the efficiency of institutional transformation of the Russian economy.*

Keywords: *modernization, property, corruption, financial freedom*

ГЛАДКОВ Игорь Сергеевич — д.э.н., профессор; профессор Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова (117997, Россия, г. Москва, Стремянный пер., 36; professors@rambler.ru)

НОВЫЙ ВЕКТОР ВНЕШНЕТОРГОВЫХ СВЯЗЕЙ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ?

Аннотация. *В статье анализируется ситуация, сложившаяся во внешнеэкономических связях Российской Федерации в условиях продолжающихся кризисных потрясений в регионе Восточной Европы. С учетом важности внешней торговли для дальнейшего хозяйственного развития России необходимо вести поиск альтернатив сложившимся ранее традиционным торговым контактам нашей страны. Наиболее вероятным центральным внешнеэкономическим партнером РФ является регион Восточной Азии, прежде всего Китай.*

Ключевые слова: *международная торговля, внешняя торговля, экспорт, импорт, Российская Федерация, Европейский союз, Китай, США, Германия, Япония*